

Интервью с Бушуевой Анжелиной Владимировной

Интервью взял Латыпов Роберт 27 мая 2004 года

Роберт: Представьтесь, пожалуйста.

Ангелина Владимировна: Бушуева Ангелина Владимировна, 1936 г. рождения, 15 марта. Это девичья фамилия. Родилась в Перми. У меня только отец из Очера (*город в Пермской области – прим. Р. Л.*). Мама родилась в Соликамском районе, Усолье (*Пермская область – прим. Р. Л.*).

Р.: Про отца расскажите, пожалуйста.

А.В.: Он родился в Очере. Он из очень хорошей семьи. Отец держал, говорят, пароходы даже. По Каме пароход был. Собственником пароходов. Пароходы просто сдавал. На эти деньги и жили. Был дом. Еще один дом на берегу озера. Отец родился в 1906. 14-ти лет он из дома ушел. Гражданская война шла, революция, он убежал и работал на пароходе матросом. Владимир Георгиевич его звали. В семье у него были мать, отец и брат. Бабушку даже и не знаю, как звать. Когда революция прошла, он [дед] свой дом отдал, и живут в маленьком доме. Дети ушли, [мой] отец ушел из дома. За все время, что я помню, он ездил домой раза два. Бабушка сюда несколько раз приезжала. Больше ничего про них не знаю.

Р.: А отец что-то рассказывал?

А.В.: Отца я не знала, мне был год, когда его арестовали.

Р.: Никаких документов не сохранилось?

А.В.: Никаких, все сгорело.

Р.: А откуда знаете про пароходы?

А.В.: Мама рассказывала, бабушка. Только так, вскользь, много не рассказывали. Молчали, боялись.

Р.: А сами Вы в Очере не были? Не хочется побывать?

А.В.: Нет, не была. Хочется побывать.

Р.: Не пытались узнать?

А.В.: Пыталась. Но все в церкви было, метрические книги, а церковь разрушена. Но ничего там не нашли. Про дом сказали, этот двухэтажный дом там сначала был детский сад, потом детский дом, потом администрация Очера, а сейчас не знаю что. Большой дом сохранился, да и маленький тоже.

Р.: Но на общественные нужды использовалось в основном?

А.В.: Да.

Р.: Судя по всему, родители вашего отца были зажиточными людьми, но не крестьянами?

А.В.: Но у них и огород был, и держали корову. Раз (*потому что – прим. Р. Л.*) два дома.

Р.: А ваш отец был старшим сыном?

А.В.: Не знаю. И как звали брата его, тоже не помню. Маму спрашивала, она говорила, что их не знает и все. Мама все думала, что отец жив, ведь у нас были три похоронные, и все три разные. И мама думала, что он живой. А не едет к нам, значит все, она забыла семью. А в последний момент, когда я узнала, получила натуральную похоронную, рассказала об этом, все, через месяц мамы не стало. Видимо она переживала все это, что с 1938 г. его уже нет. Мать в 1992 г. умерла. Маму звали Зинаида Максимовна Каменщикова. Она из семьи священников. Дед и отец священники. Он тоже пермский. Он был приемный сын. Это дед, мамин отец. Из польской семьи, его взяли к себе поп и попадьа, воспитали, вырастили, как своего собственного сына. Фотография прабабушки есть. А от прадеда дарственные надписи, красивые на фотографиях в альбоме, бабушка деда очень уважала. Он учился здесь в Духовной семинарии. Бабушка жила рядом, Мария Федоровна Рычина. Дед Максим Каменщиков. Ходили они в собор, где сейчас галерея.

Там и познакомились, ходили вместе на танцы, гуляли по Каме. Это еще до революции. Бабушка 1875 года [рождения], в 1895 г. она замуж вышла. Дед поехал в Усолье работать. Бабушка туда приехала, тоже работать стала. Сначала жила на квартире, потом они поженились. Потом у нее родилась дочь.

Р.: Сколько детей было у бабушки?

А.В.: Тетя Саня была, она умерла в 1921 г. Потом два сына маленькие умерли. Потом тетя Нина. Потом мама и еще два сына. Осталось в живых четверо. Я знала всех. Дядя Толя и дядя Витя.

Р.: А как ваша мама и отец познакомились?

А.В.: Мама работала в «Водоканал-трест», и была у них прогулка на пароходе. Это было в 1928 г. Они познакомились на пароходе, где он работал. Наверное, уже механиком работал. Но точно не знаю. Сначала, когда ушел из дома, работал матросом. Потом окончил вечернюю школу. Потом в речном училище. Потом сам преподавал в этом училище. Потом работал в Камском речном пароходстве. В конторе, был сначала чиновником, а потом на судоремонтном заводе главным технологом по топливу, по нашим меркам. Начальник теплотехнической партии. В подчинении у него было 6 или 7 человек. И они пошли как-то на обед домой, и их всех арестовали. Целую группу.

Р.: А в 1928 г. познакомились ваши родители. А дальше?

А.В.: Подробности не знаю. Быстро поженились, потому что она здесь жила в очень неудобных условиях. С двумя братьями она жила. На нашего дедушку в Усолье гонения были. Его не репрессировали. Видимо, берегли, как священника, переводили с одного села в другое. Священники берегли. Так он до Чердыни (*город в Пермской области – прим. Р. Л.*) дошел и умер своей смертью в конце 1934 г. Бабушке написали письмо, монашка какая-то, что он умер.

Р.: А почему бабушка здесь жила?

А.В.: Когда начались гонения на попов, там что-то случилось, это в 1920-каком-то году. В 1923 г. мама с братьями уехала в Пермь из Усожья, здесь были брошенные комнаты. На Пушкина 77 был пустой дом, мама говорит, мы пришли и заняли одну комнату. Потом еще кто-то поселился, еще кого-то поселили. Они жили втроем в одной комнате. Ребята ходили в школу, а она училась на курсах бухгалтеров. Из деревни взяли какие-то средства. Сначала встала в очередь на биржу труда. Потом переключили на курсы, закончила и стала работать в Камском речном пароходстве. И «Водоканал-тресте». Но с отцом они не там познакомились, хотя он немного там работал. Работали они в одном учреждении. А бабушка вот как. Сначала ребята сюда переехали, потом дедушка переехал в другую епархию, и бабушка уехала оттуда, тетя Нина в 1921 г. вышла замуж. А бабушка приехала сюда, на Пушкина, в эту же комнату. И они жили все вместе. Бабушка – преподаватель начальных классов. Проработала в школе всю жизнь. Иногда в 5-6 классах преподавала математику. Бабушка закончила Мариинскую гимназию (*в Перми – прим. Р. Л.*).

Р.: До вашего рождения Ваши родители где жили? В каком году поженились?

А.В.: Не помню, в каком году, но быстро поженились. В 1928 познакомились, мама говорила, что шесть лет вместе жили, и она не беременела, а через 6 лет Настю родила, а Неля родилась в 1934 г. У него была комнатка... Нет-нет, вру, они снимали на Ленина, где баня, комнату. Пока работал в речном [пароходстве] и учился, они снимали квартиру. Потом Неля родилась, и он получил комнату. А получил квартиру, когда работал на Судозаводе (*судостроительный завод в Перми – прим. Р. Л.*). У нас была трех- или двухкомнатная квартира, даже нянька была. Двое детей было. Мама и папа работали. Отец куда уходил работать и маму с собой перетягивал. Она работала бухгалтером. Хорошая была квартира. Двухэтажные бараки, они долго стояли. Это в Нижней Курье (*пригород Перми – прим. Р. Л.*).

Р.: А дом был многосемейный?

А.В.: Вот у них внизу была квартира, возможно, рядом тоже кто-то жил.

Р.: По житейским меркам семья жила неплохо?

А.В.: Да, хорошо жили. Мама говорит, диван был, ковер был большой. Комнатка была маленькая – спальня, а у отца кабинет был и много книжек. Нянька с нами жила и спала в какой-то комнатке. Когда я родилась, ее взяли. В 1936 г. я родилась. В 1937 отца арестовали, в 1938 г. расстреляли, мне где-то полтора года было.

Р.: Сколько в семье было детей?

А.В.: Трое в семье было детей. Сестра старшая, я и брат. Он родился 14 февраля 1938 г., после расстрела уже. Отца расстреляли 17 января. [Брата] Владиславом назвали. Он сейчас живет в Ростове-на-Дону. А сестра в Севастополе. Связь поддерживаем.

Р.: А как вас воспитывали родители, понятно, что Вы не помните, но все-таки как?

А.В.: По рассказам, отец был очень веселый и энергичный, хотя ревматизм в последние годы у него уже был, он ходил с палочкой, но всегда, говорили, вокруг него было много народу. Общительный был. И когда был начальником теплотехнической партии, ребята, которые с ним работали, инженер, технолог, со специальным образованием, и еще были рабочие простые, каждый выходной куда-нибудь выезжали. Выходили на Каму устраивали пикники. Нас с собой. У меня даже фотокарточка есть. Ходили постоянно в театр, в кино. Надо было переезжать на пароходике через Каму. Моста еще не было. Железнодорожный был, по нему перебирались. По нему еще можно было ходить. Неле было 4 года, она пешком пошла сюда к бабушке, и поймали ее на мосту. Ходили по мосту. Мама хорошо пела, участвовала в заводской самодеятельности. А еще был театр рабочей молодежи, ТРАМ назывался, в здании, где сейчас синагога. Устраивали спектакли сами. Сами занимались ходили, и Драмтеатр тут был, студия была. И в день ареста отца ставилась «Как закалялась сталь». Мама поехала подавать баланс, а он попросил ее купить билеты на премьеру. Спектакль ставили. Не фильм. Вы сами смотрели?

Р.: Оба.

А.В.: Как оба?

Р.: Первый фильм, где играл Лановой Павку Корчагина, а другой в 1970-е сняли, многосерийный.

А.В.: Родители любили ходить в театр и принимать гостей. Мама тоже была веселая, пела. Праздники были, общались.

Р.: А как родители воспитывали?

А.В.: Ну, как воспитывали, сами куда ходили и нас везде с собой таскали. В 1934 г. плавали на пароходике отец с Нелей и с мамой. Маму тоже арестовали в 1938 г. Мы были в детдоме, потом нас нашла бабушка. Мне уж пятый год шел, когда меня нашли. Мама меня увидела, когда мне уже исполнилось 8 лет. Меня здесь, в Перми, в школу не взяли. А когда туда приехали, после нового года, там я пошла в школу. В Казахстан, к маме приехали. Им разрешили воссоединиться с детьми в 1943 г., и мы там жили на поселении. Но только через детский дом, бабушка нас опять сдала в детский дом и повезла в Казахстан как сопровождающая. Когда приехали в Казахстан, нас воспитывали все бараки. Там детей мало было. Сначала мы вдвоем были, и одна уже взрослая почти девочка, она у нас в школе вожатой была, с мамой жила. А барак был такой длинный-длинный и нары двухэтажные. Внизу с перегородкой идет две постели, и вот эту четырехместную мы занимали, а там – уголок, двухместное место, как раз девочка эта жила с мамой. Славку нам отдали уже после победы. Простыней перегородивали. Больше из мебели ничего не было. Полочки какие-то стояли, хлеб и патока. Есть тоже нечего было. Нас в столовой кормили: баланда была, кусочек масла, кусочек хлеба. А утром и вечером что придется. То есть мы там прожили с 1944 до конца 1945, а в 1946 зимой, мы встретили новый год, мы приехали сюда. Бабушке там с нами не разрешили жить, она привезла только нас, пожила до лета и уехала обратно. В 1944 г. первый класс я закончила.

Р.: А как это поселение называлось?

А.В.: 26-ая точка АЛЖИРа – Акмолинский лагерь [жен] изменников родины. Недалеко от Акмолинска 26-ая точка. Километров 50. Там степи были. Была прядильная фабрика – трепали шерсть, потом давали нам, женщины пряли, война еще шла, а мы все вязали, варежки вязали. Двупалые такие. В 1945 г. еще шла японская война. И я вязала, и брат успел повязать. Летом сидели и вязали, думали, что зимой еще война будет.

Р.: А что из себя представлял этот поселок, 26-ая точка?

А.В.: Там была зона огорожена колючей проволокой. В несколько рядов. Открывались ворота, там были будки. Нам не разрешали туда подходить, но мы все равно видели. Там низкие бараки были. Земля вся расколота была, жара. Бывает, бросишь в такую щель палочку и не видно, куда она падает. Ходили в вязаных туфлях: из тряпочек плели косички, их сшивали – это была подошва толстая. Около зоны было большое пространство, в стороне стоял клуб деревянный с двумя крылечками. А тут стояли три барака, один был за зоной, в 1945 г. его освободили, и мы все переехали в этот барак, детей было уже много, и жили все с семьями. Там были перегородки. Мы, из Зеленограда Макс с мамой, две сестры и еще одна семья. Там мальчишка был. 4 семьи вместе. Уже кровати были деревянные, не нары.

Р.: Там уже жили те, кто был освобожден, но жили на поселении? Уехать нельзя было?

А.В.: Да, ни в коем случае.

Р.: А маме какой срок дали?

А.В.: 7 лет. Но она проработала 4 года за зоной. В 1943 г. из зоны освободили и разрешили писать письма, она написала бабушке, та написала ей, что нашла нас. И тогда мама стала хлопотать, чтобы ей разрешили нас туда привезти.

Р.: Как вы считаете, мама правильно поступила, что забрала вас из Перми в Казахстан?

А.В.: Правильно в том смысле, что здесь был голод, в Перми. Когда началась война, мы были врагами народа, нас в садик уже не взяли. Раньше, я помню, до войны нас бабушка возила в садик на санках зимой. А когда началась война, нас уже в садик не взяли, мы уже были дома, и даже гулять не разрешали ходить, видимо, нас уже начинали третировать. Потому что я дралась. Я одну девочку побила. И сюда к нам приехали ленинградцы. И к нам тоже поселили на Пушкина, 4 семьи жило, 1 мужчина, женщина напротив и старичок жил у нас, они работали в типографии. И им давали картошку. А у нас ничего не было. Бабушка ходила работать в школу. На нас карточки давали. Неля уже в школу ходила. Мы самовольничали. Пошли как-то хлеб покупать по карточкам и потеряли, два раза карточки теряли. Один раз кто-то у нас взял передать в очереди, и ни хлеба ни карточек, а второй раз нас девочка обманула: «пойдемте, там хлеб без очереди дают», и завела нас куда-то на второй этаж и исчезла, взяла карточки. Месяц без карточек жили, бабушка много продала. У меня игрушек было много хороших, все продали.

Р.: То есть бабушка распродала имущество, чтобы выжить, а когда мама написала, решила, что лучше воссоединиться, потому что здесь очень плохо жить было?

А.В.: Да. Да и с матерью все равно лучше, и бабушка уже старенькая была. Болела часто. Напротив ребята росли, мальчишки нас всегда обижали. Чего-нибудь да обманут. Меня все время обманывали. То я лизну замок железный на улице зимой – язык примерзнет. То еще что-нибудь. Я робкая была. Или один мальчишка хулиган, а к нам иногда нищие приходили, у него мать где-то на хорошей работе работала, и у них всегда был хлеб, да не просто хлеб, а хлеб с маслом. Нищий пришел, только дети оставались. Нас двое, там трое, да еще двое – семь человек детей. И мы дома оставались, а когда кто-нибудь стучался, открывали. И мальчишки что сделали – намазали хлеб вазелином. И отдали нищему слепому, сколько я возмущалась: зачем ты отдал такой хлеб? А они смеялись. На липу летом залезали. Первый год мы не заметили, что война началась. Зимой уже в садик ходить не стали, но более-менее прожили. А вот второй год был очень голодный. Комсомольский проспект весь был засажен картошкой, улица Карла Маркса

тоже засажена была картошкой, кто рядом жил – сажали. А у нас ничего не было. И вот мы летом залезали на липу, рвали листочки липовые весной, их ели. И еще в конце двора у нас росла трава, до сих пор не знаю, что это за трава, лепешечки на ней росли с пуговичку, мы их вычищали и ели – вкуснятина была. И очистки собирали, кто зажиточные. Помойная яма была, куда все выливали, но очистки всегда рядом клали, знали, что кто-нибудь их возьмет. Брала их, промывала и варила. Когда ленинградцев поселили, им давали картошку, так вот он варил их целиком в котелке, полный котелок наварит и ставит, наверное, специально для нас, мы ели эту картошку. Тоже вкуснятина была. Когда в 1946 г. приехали сюда, тоже был голод, но все-таки полегче. Уже была мука, бабушка заваривала, самовар кипятили и делали кашу-заваруху. Клали муку в чашку, лили кипятком и получается каша. Тоже вкуснятина невозможная была. Я уже взрослая была, училась, все бабушке говорила, хочу такой каши, бабушка говорил: давай, я тебе заварю. И когда она заваривала эту кашу – ой, как мы ее ели! А был смешной случай. Уже война началась, но мы еще жили неплохо. Стол еще был. Мы сидели за столом и пили чай, стаканы были, подстаканники серебряные, чашечки, а сахару, видимо, уже не было. И мы пьем чай с хлебом. И солонка была такая крупная на столе. Я чай мешаю, все как обычно и говорю: бабушка, чай-то не сладкий!. А бабушка говорит: «Ну-ка, покажи, как мешала? Так ты ведь не в ту сторону мешала! Сахар-то от тебя ушел». Я и верила бабушке. Она шутница у нас была: все время какие-то шутки, прибаутки, пословицы, поговорки, стихи. Много знала. Такое образование в гимназии давали. Много опер знала, арий, песен. Уже после, я в училище училась, мы же плохо жили, нам квартиру дали только в 1957 г., а так все без квартиры жили. Маме пришлось потом уехать в деревню, жить в деревне, чтобы хоть немного отойти от голода. И мы жили тут, у бабушки. Уже не на Пушкинской, она уже поменяла на Коммунистическую из-за двоюродного брата. Жили бабушка, Герка, Неля, я – четверо. И две кровати. Бабушка с Нелей или с Геркой спала на кровати, по очереди. А кто-нибудь на полу двое. Утром вставать неохота на занятия, им на работу. Они работали оба – и Неля, и Гера на ...мете (*неразборчиво*), неохота вставать. Спим. А бабушка нас начинала будить: «Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов!» Как запоем! Мы засмеемся и просыпаемся. Или еще какую-нибудь шутку: о дайте, дайте мне свободу! Запоет. Голос хороший был. Весло жили, хоть и голодно.

Р.: Какие воспоминания были по аресту отца? Кем он работал?

А.В.: Начальник теплотехнической партии. Они работали над топливом, и они какое-то придумали топливо жидкое. Раньше пароходы отапливались деревянными болванками. Я даже еще помню, «Кефаль», пароход, ходил, вроде катера, пароходик с широким дном. И народ перевозили на нем. Отапливались чурками деревянными. А ребята придумали какое-то жидкое топливо. Это повод был. Им не дали ходу, этому топливу. Не было его применения. В 1951 г. все еще топили чурками. Они работали над строительством пароходов для канала Волга-Москва, и выпустить им надо было 6 пароходов, последний пароход они выпустили перед отцовским днем рождения, 6 июля. День рождения они справляли, когда уже сдали пароход. Все собрались у нас, на первом этаже в большой комнате, отец сидел так, что ему было видно в окно, что за окном. И, видимо, перед ним ребята сидели, и говорят: «Ты чего так побледнел?». А он говорит: «Когда милиция под окнами проходит, я как-то не могу». Он был арестован в 1934 г. Не знаю почему. Но потом выпустили. Надо в архиве почитать. То ли за уплату взносов, то ли еще что-то такое. Копия личного дела есть.

Р.: А дело находится в этом архиве, у нас в Перми, в общественно-политическом архиве, в архиве политических репрессий?

А.В.: Да. Толстое дело. Отцовское толстое, мамино тонкое. Мы с братом ходили, когда он приехал на 25 октября, и попросили почитать личное дело отца, нам его дали.

Р.: А что обнаружилось? Кто-то донес на отца?

А.В.: Нет, не знаю. Но всех арестовали. У них всех арестовывали на заводе, сначала директора, потом главного инженера, и очередь дошла до отца.

Р.: Но это когда было?

А.В.: Директора и прочих не знаю, а отца в 1937 г.

Р.: А откуда вы знаете, что пошли повальные аресты?

А.В.: Мама говорила. Она еще работала здесь, в здании со львами, камское пароходство. С ней вместе работал отец Потаповой Нонны Петровны, сидели в одной комнате. Приходим как-то на работу, а его нет. Его арестовали раньше. Мама говорит, все, страшно стало. Всех арестовали. Шпионы они были, по личному делу отца узнала. Его обвиняли в связи... Надо почитать. Его с троцкистско-зиновьевским блоком в связях обвиняли. Троцкисты. Бухаринцы. Их много. Славка мне не давал читать-то. Нечего тебе, говорит. Вон мамино дело читай. Но прочитала все-таки потом-то.

Р.: Вы рассказали, как их арестовывали, это мама рассказывала?

А.В.: Мама.

Р.: А она откуда узнала?

А.В.: Мама поехала сдавать баланс и за билетами. А отец ушел утром на работу. А обедать ребята всегда ходили вместе по домам. Рядом жили. Обедать уходили домой. Это примерно 12 или 19 июля произошло. «Как закалялась сталь» премьера была, значит, арестовали где-то в простой день – в четверг или в пятницу, потому что в выходные они хотели в театр пойти. Мама приходит домой, проходит мимо окон и дверь, видимо в дом. Заглянула в окна, а там такой ералаш, хлам какой-то. Она зашла домой и няню спрашивает: «Что у нас, бабушка, произошло?» А та сразу заплакала. «Что там рылся Владимир, что искал?» Няня заплакала, и тут же соседка пришла и говорит: «Владимира арестовали». Мама спрашивает у няни: «Владимира арестовали?» «Да, говорит, были, и обыск был». Они все пошли на обед, а около проходной стоял черный ворон, их всех в черный ворон: пройдите с нами. Они стали проходить через проходную, а там и с той, и с другой стороны милиция была. И сразу милиционеры: пройдите с нами. И развезли их по домам с обыском. Отец присутствовал при обыске. А мы маленькие, видимо, с няней были. Мама пошла на следующий день на работу, а на работе ей сразу сказали: ты жена врага народа, мужа арестовали как врага народа. Собрали профсоюзное собрание на следующий же день и сразу исключили из профсоюзов и сказали: освободите квартиру в 24 часа. И вы уволены. Уволили. Мама была беременна. Это был июнь. Она забрала нас. Все вещи, какие могла, в сундуки запаковала и в дровяник (*дровяной сарай, сарай с дровами – прим Р. Л.*). Дровяники были. И закрыла дровяник, попросила соседку последить, чтобы никто не украл. И уехала, к бабушке нас увезла. Увезла, оставила, а через день приехала: все сгорело. Весь барак. Ничего нет: ни фотографий, ни посуды, ни одежды. Все растаскали, раз враги, так можно и забрать вещи. Мы остались без всего, даже фотографий нет. А родственники, видимо, испугались, не знаю, были ли фотографии у них, наверное, не было. Потому что нигде отцовских фотографий нет. И в деле нет. И у меня нет. Даже не представляю, как он выглядел. Неле было 3 года. Она тоже не помнит отца.

Р.: Отец был в партии?

А.В.: Да, был.

Р.: А когда вступил в партию, в деле указано?

А.В.: Есть, но я не помню. Где-то в 1930-е. Наверное, в 1926 или в 1928 гг. Он был кандидатом, потом членом партии. Партийные документы, они отдельно хранятся. Разные архивы.

Р.: Когда было профсобрание, и маме сказали, что она больше не работает, что исключена из профсоюза, там сказали, что отца осудили как врага народа и из партии исключили?

А.В.: Его раньше исключили. До ареста. Его уже арестовывали в 1934 г., но за недоказанностью отпустили. Тогда исключили из партии.

Р.: После ареста отца и до ареста мамы, когда маму арестовали?

А.В.: В июле, в 1938 г.

Р.: В течение этого года, как жила семья? Кто вам помогал?

А.В.: Мы жили у бабушки. Мама сразу пошла искать отца. Пришла на Карла Маркса, там его нет. И нигде его нет. Тогда кто-то сказал, что в здании железнодорожного техникума у Перми I, вот там он, наверное. И они с женами сотрудников отца пошли туда. А отец был в отдельной комнате, и все сидели поодиночке. И он стоял в окне и высматривал. И мама говорит: смотрела, смотрела и видит: стоит в окне, и сразу догадалась, что это отец. Стала к нему ходить каждый месяц. Раз в месяц разрешали посещать. И она нас как-то сфотографировала, уже перед расстрелом, видимо, карточка есть, где мы в валенках стоим. В летних платьях и в валенках. Она нас летом привезла к бабушке, в летних платьях. Я еще все хохотала: почему мы в летних платьях и в валенках? Только потом поняла, что сгорело все. Это в тот год было, между арестом отца и мамы. Одну карточку мама отцу отдала, видимо. Сфотографировала и показала отцу. Разговаривать приходили, сидел следователь рядом. В руки брать нельзя было. Разговаривать велели только о детях, себе и ни о чем постороннем. Мама ничего не узнала, за что сидит. Ничего не узнала. И отцу нельзя было говорить. Спрашивала только отца, как он, приносила еду – он ведь больной был, у него ревматизм был. И рассказывала только о нас, как растем, что говорим, она беременна была, так как беременность идет рассказывала. Что в городе происходит, как мы у бабушки живем. Он ей единственное говорил, забирай детей, уезжай в Очер. Она говорила: ладно, ладно. Рожу ребенка, тогда уеду. Но не послушалась. Но в Очере ведь тоже арестовывали. Они все думали, что отца преследовали за то, что она дочь попа.

Р.: А отец ведь тоже из хорошей семьи?

А.В.: Но разговора на эту тему никогда не было. Мама так рассказывала. Гонения ведь на попов было. И все думали, что это из-за того, что она дочь священника. Дед как раз в 1934 г. приезжал, Неля родилась – посмотреть на внучку. Первая внучка. Карточка у нас была его. И уехал обратно. И бабушка сказала, что он где-то в Чердыни.

Р.: Мама сколько раз встречалась с отцом?

А.В.: Каждый месяц. В июле она его нашла и до января ходила на свидания. 6 свиданий. Она когда пришла в январе в последний раз, отец ей тихонько сказал: если в следующий раз придешь, а меня здесь не будет, не кричи, забирай детей, уезжай в Очер. 14 января она пришла, а 17 уже расстрел был. Тогда здесь выносили приговор, а туда вывозили, расстреливали. Приговор выносила тройка. Особое совещание НКВД. Справка такая небольшая. Приговорен к высшей мере наказания. И его подпись, что ознакомлен. Расписался. Не помню по какой статье. Подпись чернилами. На других листах – карандашная. Там все сфабриковано. Я когда полистала дело: говорю, Славка, это ведь не отцовы подписи, они все переведены с этой. Он даже и не знал всего этого. Мама пришла в феврале, а следователь был, который с ним учился – Новоселов, имя мама не помнит. Новоселов был юристом и был следователем. И когда мама приходила, он с ней всегда здоровался, разговаривал. А в феврале пришла, Новоселов мимо прошел и даже не поздоровался. Мама стала проситься на свидание, а ей сказали, что Бушуева здесь нет. Мама ушла. Пришла домой.

Р.: А какое у нее было объяснение, что отца нет?

А.В.: Видимо, перевели в другую тюрьму. Что расстреливали, она не знала. Никто не знал. Позднее узнали, только когда доступ к документам разрешили. Это уже 1990-е. Мама умерла в 1992, в 1991 мы читали дело.

Р.: Мама не рассказывала, было какое-то предчувствие, что арестуют?

А.В.: У отца-то было, я рассказывала про милицию. А у мамы нет.

Р.: Даже тот факт, что на спектакль билеты, не было предчувствий?

А.В.: Что-то, наверное, было, когда сидели за столом.

Р.: У отца, наверно, было предчувствие, потому что директора уже арестовали, повально шли аресты?

А.В.: Да. А бабушка, я помню, больше с бабушкой сидела, и бабушка мне проговорилась, что маму выдали соседи. Донесли. Мишка, говорит, виноват. Мишка был сосед здесь. Надо было ему сказать, что она здесь. А то бы, может, ее и не арестовали. Донесли, что она скрывается у бабушки.

Р.: А как происходил арест мамы?

А.В.: Лето было, малина созрела. Бабушка поехала к кому-то в село за малиной. А мы здесь с мамой были. Было жарко, спали на полу. И ночью приехал «ворон». Кто-то сказал, что мама здесь.

Р.: Вы думаете, что все-таки донесли? Просто доверяете бабушке? Или в НКВД и так знали, где вы находитесь, скорее всего?

А.В.: Может и знали. Но в данный момент сказать бы, что уехала за малиной, и не открывать двери и все, а тут открыли, тяжелые двойные дубовые двери были. Можно было первую дверь открыть, спросили бы ее, и сказать, что нет дома. А Мишка сказал, она дома. Зашли и сказали: собирайтесь. Мама говорит: так ведь ночь. Я расскажу, что я помню. Я помню себя очень хорошо. Маме сказали: одевайтесь, возьмите детей с собой. Она спросила: надолго? Ей сказали: нет, скоро вас отпустят, и вернетесь домой. Мама говорила, я поверила, она была кормящая мама – Славке было полгода, надела шерстяное красное платье и даже кофты не взяла, а нас одела в летние платица. Жарко было. И в пеленке одной Славка был завернут. Увезли и все.

Р.: А мама что говорила, вас подняли среди ночи, вы плакали?

А.В.: Ну, как не плакали. Обе, мама говорила, за подол держались и плакали. Нас увезли, успокоили. Привели в комнату, и следователь сразу набирает номер и говорит: надо срочно устроить двух девочек, мамаша уезжает в длительную командировку. Нас сразу забрали от мамы. Ребенок на руках у нее, одну отодрали и другую. Сестру в еврейский садик, а меня в детприемник. На Борчанинова, сейчас это детская инфекционная больница. Это был детский дом № 1. Нас увезли, и стали Славку отбирать. Мама сказала: этого не отдам, двух отцепили, а этого не отдам. Он воспаление легких недавно перенес, нет, не отдам. Не отдала. Он ночами ревел. Ее там дней 15 продержали. Привезли ее в первую тюрьму, на втором этаже камеры, много было там народу, камера общая. Ребенок плачет. И мама рассказывает: ей разрешали ходить по коридору с ребенком, она ходила и ребенка укачивала. А в конце коридора было окно, и оно выходило на кладбище. И она слышала звяканье лопат. Колеса, на лошадях, видимо, привозили покойников откуда-то, рыли ямы и хоронили. Видимо, братские могилы были. Мама говорила: у меня такое впечатление сложилось, что тут хоронили тех, кто умрет в камерах. Она так думала. А может, и расстрелянных увозили. Что здесь братские могилы, мне еще один человек рассказывал, он был художником, картинку мне нарисовал, они жили где-то тут рядом с семьей. Часто бегали туда на кладбище играть, в логу. И они там однажды вечером видели, заигрались, ехали лошади, и копали ямы, и везли много покойников. Кого хоронили, никто не знает. А сейчас там дачи. И еще мама рассказывала. Выборы должны были быть в 1938 г., и перед ними арестовали какого-то начальника, и он бился и кричал, что выборы скоро, «выпустите меня, за меня голосовать будут».

Р.: А маму с ребенком выводили потому, что давка была в камерах?

А.В.: Нет, давки не было, были нары. Он плакал и мешал всем спать. Поэтому ей разрешали выходить, укачивать его. Слышала еще, что мужчин много было. Когда нас отобрали, ее стали обыскивать, ощупывать, она сказала: «Что вы меня ощупываете?» Ей сказали: «Нет ли у вас каких иголок, булавок, отдайте все». Она говорит: «Какие булавки? У меня детей отобрали, а я буду об иголках думать?»

Р.: Ей следователь, после того, как детей отобрали, сразу обвинение предъявил? Допросы были?

А.В.: Жена врага народа. Нет, ее не допрашивали. Заполнили анкету. Спросили: «Ваш муж арестован?» Она ответила: «Да. А меня за что?» Ей говорят: «Вы знали, что он враг народа, а не донесли». Она говорит: «Интересно, какой он враг народа? Я говорит и не знала, что он враг народа, о чем и кому я могла донести?» Ее не мучили. Она просидела в камере до конца июля. Потом сразу этапом вывели всех из тюрьмы.

Р.: А остальные женщины, тоже были женами врагов народа?

А.В.: Да, много таких было. С ней уехало из Перми на машине человек пять пермских до Акмолинска (). А других, видимо, в другие места. Их сначала вывели всех из тюрьмы в скверик и всех поставили на колени, ждали, когда выедет телега, узлы погрузили на нее, у мамы, конечно, никаких узлов не было, но ее с ребенком посадили на телегу, она ехала на телеге, на узлах, и кто-то, видимо, видел. Нина видела, сестра, прибежала, сказала, что Зинку на этап сейчас поведут, и бабушка сразу побежала, нашла этот этап: конвой, собаки и они посерединке. И бабушка узелок с одеждой попыталась передать через охранника, говорит: передайте пеленки. Не взяли: «Отойди старуха». А она говорит: «Ну, хоть кофточку передайте». Ничего не передали, так и ехала мама. Уже в поезде ей дали кофту, пеленки. Маму отправляли с урками (*уголовники, осужденные по статье Уголовного Кодекса – жаргонное, прим. Р. Л.*), с уголовниками. Они с ней ехали. Женщины-уголовницы. Они маму очень мучили. Они где-то пешком шли, где-то ехали, и они все время ей говорили: «Отдай ребенка, нас выпустят, а тебя-то... Ты все равно жена врага народа, тебя надолго, а нас с ребенком быстро выпустят». Особенно одна просила. Я (*мама – прим. Р. Л.*), говорит, сказала: «Нет, не отдам», а ее предупредили в тюрьме: «Вас поведут с урками, так ты с ними не связывайся, они люди плохие, и если будешь с ними связываться, ругаться, неприятности будут, ты молчи и все. Послушная будь, и они тебя не обидят». И она молчала. И сказала, что ребенка не отдаст. И к ней стали уважительно относиться. Кто-то дал кофточку ей. Потом кто-то снял с себя кофту и дал ей: «Заверни ребенка-то». Завернули. Потом где-то пришли в камеру, закрыли их там, а ребенок плачет и плачет, им ни еды, ни воды не дают. И они давай бунтовать: шуметь, кричать. Их спрашивают: «Чего кричите?» А они говорят: «Накормите мамашу и дайте молока ребенку». Ну и принесли они кашу, хлеба, молока. А когда шли, вот пописает в баночку, ей говорят: «Так попой ребенка-то мочой». А я, говорит, и не перечу, беру баночку, подношу Славке, и он пьет мочу, надо ведь в дороге ребенку пить, а молока не было. Исчезло, сразу сгорело.

Р.: А мама когда ехала на повозке до Перми II, она успела что-то бабушке сказать?

А.В.: Она видела маму, но сказать ничего не могла. Бабушке сразу понятно стало, что девчонок отобрали, раз Славка только у мамы на руках. И они стали искать нас. Братья были молодые еще мамины. Были 23-х и 27-ми лет. Молодые еще. Особенно старший брат, он общительный был, на гитаре играл, на балалайке, и он стал знакомиться с девчонками, которые работают в детских учреждениях. Найдет какой-нибудь садик, подкараулит девку и познакомится, и начинает расспрашивает, есть сироты или нет. И Нелю так нашел в еврейском садике.

Р.: А почему еврейский садик?

А.В.: Она у нас была черная, голубоглазая. У нас вся порода черная, кроме меня. Еврейский садик был напротив зоопарка. Только что снесли этот дом. Всех детей забирали, а она ночевала там. В июле забрали, решили, что она еврейка, и туда определили. Ее быстро нашли, года не прошло. Бабушка пришла и ее взяла. Пришла и сказала: «Потерялся ребенок, где вы ее нашли?» И ей отдали ее просто. А меня долго искали. Нелю постарше была, говорила уже, а я еще не говорила толком. Только кричала несвязное что-то. И когда меня в этот детский дом направили, я помню, меня несли, все темное вокруг, я ору, царапаюсь, пинаюсь. Меня принесли, на стол положили, и я только ору. А потом рассказывали, что все кричу: дайте баку. Думали, что собаку. Мне и собаку дадут и кошку дадут, а я все кричу. А я бабушку звала. А потом помню себя чуть-чуть постарше, я уже разговаривала. В детском доме, дети пошли на прогулку, а я еще

маленькая, у нас шифоньер такой большой был. Дети быстренько оделись и пошли на прогулку, а песню как раз пели, одеваются и поют песню: «Дан приказ тебе – на запад, едь в другую сторону». И эта песня мне так запала. И мне это в голову запало, что все они ушли на запад, а я тут осталась одна, одеться никак не могу. Натягиваю на себя трико, ходили дети тогда в белых вязаных трико, я никак не могу натянуть трико, оно на меня не лезет, они все ушли на запад, а я тут осталась одна. И я давай реветь.

Р.: Страх оттого, что вы останетесь одна?

А.В.: Да, опять остаться одной. И еще помню, как бабушка меня нашла и ведет. Четыре года, пятый мне шел. Перед войной меня нашли, весной, по-моему. В 1940-м нашли. Бабушка меня ведет. На мне надеты красные туфли с перемычкой и пуговичкой, пуговичка блестящая, мне ее все время лизнуть хотелось. И я поднимаю подошву, смотрю на нее, а она такая гладенькая-гладенькая, красная. И я стряхиваю с нее грязь, и мне хочется снять туфлю и тоже ее полизать, такой яркий цвет был. И бабушка мне говорит: «Хватит тебе с туфлями возиться, вон уж твоя сестра». Что такое сестра, Неля, я не знаю. До сих пор помню, это состояние – ничего не понимаю: что такое сестра, что такое Неля, не понимаю. И, главное, потом говорю: «Вижу девочку». Она мне говорит: «Так вот это и есть твоя сестра. Неля ее зовут». Я говорю: «Ну и что?» Я только так поняла, что Неля – это имя. И подходит ко мне девочка, коротко стриженная, черные волосы, синенькое пальтишко на ней, и привычка у нее была – кончик воротника жевать. И я спрашиваю: «А зачем она воротник ест?» Бабушка ее одернула: «Опять воротник жуешь?!» Вот что я из детства помню.

Р.: А в детском доме много было детишек?

А.В.: Да, много. Мне как рассказывали, как меня нашли: у меня был двоюродный брат Гера – сын тети Нины. Они жили тут же, в коридоре на Пушкина. Они ходили гулять все время, и пошли гулять, видимо, в выходной, мимо детских учреждений. А нас вывели из этого учреждения на прогулку, мы пошли на Каму, она там близко была. Мы шли парами, и я шла, говорят, самая последняя. И я была очень толстая, маленькая. Мне говорили, хоть так поставь, хоть этак, со всех сторон одинаковая. Я была толстая и увалень, Гера меня сразу узнал. Он кричит: «Вот наша Ака идет!» Меня так девчонки наши звали – Ака. Ему говорят: «Да ты что, какая Ака?» А он кричит: «Нет, это Ака». Скандал устроил. А подойти не разрешили. Дядя Витя это взял на ус и познакомился с воспитательницей. Ее звали тетя Гая – Галя, видимо. И тетя Гая ему все рассказала. Да, есть у нас девочка, мы ее Алей зовем, то ли Алевтина, то ли Ангелина. Видимо, я свое имя знала, говорила, что меня Алей зовут. И в документах, наверное, записали. «Да, – тетя Гая говорит, – без родителей девочка». И бабушка стала хлопотать. Я, когда уже была взрослая, без мамы уже, я решила найти сведения, как я попала в детский дом и что там есть о нем. Мне говорили, в каком детском доме я была. И я пошла в этот детский дом, инфекционная больница там уже была и спросила, есть ли у них старые довоенные архивы. Сказали, что нет. Сказали: «Вот у нас директор есть, молодой, правда, но, может, он что-то знает. Он сейчас работает в детском доме для умственно-отсталых детей. Я поехала туда. Познакомилась с ним, он работал в первом детском доме. Я рассказала, кто я. И он сказал, что это чудо, у него как раз валялись старые журналы, и ему стало очень интересно, и он их никому не отдал, не выбросил. Он взял этот журнал и нашел, что Бушueva Ангелина Владимировна, в таком-то году, была взята бабушкой. Копию он мне с этого журнала дал. Он в 1993 г. работал. Это была амбарная книга такая, список детей, что ли. Есть копия эта. Даты поступления не было в этом журнале. Я еще хотела это узнать, но этого журнала нет. 1939 – 1948 г. А я раньше поступила.

Р.: А когда у вас появилось ощущение, что у вас нет папы, мамы? И когда вы начали задавать вопросы себе и окружающим, близким?

А.В.: Я была драчунья и своенравная. И все выдумывала. Очень много читала. У бабушки библиотека была, да и мне книжки покупали, я и сказки читала, и рассказы какие-то, журналы – что попало. И нафантазировала себе. Я очень хорошо помню

«Бородино» Лермонтова и знала про Наполеона и про пожар в Москве, все про это знала. В школу еще не ходила. И кто-то пришел к нам в гости, и заговорили про маму, про папу, про всех. И висели портреты у бабушки всех ее детей, мама красивая была, в белом беретике, такой фотографии нет. И всех спрашивают: «Это кто?» Я говорю: «Тетя Нина». «А это?» «Дядя Саня». «А это кто?» Я говорю: «Нелина мама». «Как Нелина мама? Так это и твоя мама». А я говорю: «Нет, это не моя мама, а Нелина». «А где твоя мама?» «А моя мама на пожаре в Москве сгорела». Нафантазировала. А когда Алька Петуховская – соседка, Алевтина Васильевна Петухова, сейчас мы не видимся, в школе виделись, мне такое сказала. Она начала меня третировать, что у тебя мама – враг, или что в тюрьме сидит, меня еще только нашли, я еще ничего не знала. А у меня в руке был сломанный подсвечник, там дровяники, дровами топили, и мы любили там играть – там жарко. И я нашла подсвечник сломанный, с острием, играла с ним, она стала меня дразнить, я в нее этот подсвечник кинула. Она на меня стала плевать. Я на нее плюнула. Вроде того, что «иди ты, выдумываешь ты все». И плевали мы, плевали друг на друга, и мне надоело, и я ей свистнула этим подсвечником. И чуть не убила девку. Прямо в лоб. Рядом с виском. Она закричала. Я подсвечник взяла. Бабушка вылетела, схватила меня. Меня наказывали очень хорошо, раздевали наголо, в кровать под одеяло и давали книжки: сиди и читай. Вот так вот и выучилась, наверное, читать. Были ширмы. Ширмой загородят мою кровать, горшок поставят. А бить никогда не была бабушка. Кормили, все. Но пока не осознаешь свою вину, не выпустят. И вот там я сидела, читала, радио слушала.

Р.: Когда вы почувствовали, что мамы и папы нет?

А.В.: Когда нас бабушка сдала снова в детский дом и сказала, что мы поедем к маме. Это было в 1943 г., чтобы нас отвезти к маме, надо было нас снова сдать в детский дом и везти как сопровождающей, бабушке разрешили так. И мы поэтому с осени, уже в школе училась Неля, в 1943 г., 7 ноября мы там отметили и предновогодние праздники, елки на вокзалах стояли везде, где мы пересаживались – три пересадки было у нас: в Свердловске, в Петропавловске. Перед самым Новым Годом, видимо, нас увезли туда.

Р.: А как бабушка вам объяснила то, что сдает вас в детский дом?

А.В.: Сказала, что поедем к маме. Не помню, как объяснила. Я маленькая была, еще не понимала этого. Мы были голодные, а как уговаривали: «Вас там будут кормить, в школу ходить не надо будет, сразу при школе будете, ненадолго, потом поедете к маме. Неля понимала, она всегда около меня была. А я сразу стала участвовать в каких-то концертах. Басни со сцены читала. Быстро привыкла. Я помню, мы все сидели у печки в детском доме, голодные, мне, видимо, как маленькой дали булочку, мы ее разломали, и нас много было, замерзли все, все по крошечке эту булочку съели, потом у кого-то морковка нашлась, давай эту морковку делить. Голод был. Грелись все, ноги подставляем к печке, холодно было в детском доме. Это было двухэтажное здание на Орджоникидзе. Я его до сих пор представляю – двор, ворота. Это второй детский дом. Мы не понимали тогда, в 1950-х я бы в архив сходила, а не понимали. Я в педучилище училась, ходила в архив детских учреждений, он у нас за Центральным Рынком, там все перерыла. Никаких данных о 1938 г. там нет. Все уничтожено. Дети терялись тогда, их отбирали у родителей, родителей высылали. Детям давали другие фамилии. Хорошо, что у нас сохранилась фамилия. Быстро нашли. Приехали мы в Казахстан, зима, мы в избе на вокзале сидим, греемся, поели, чаю попили, и вдруг заходит в ватной телогрейке в ватных штанах мужик. И сразу Нелька кинулась и закричала: «Мама!» А я бабушке говорю: «Какая это мама? Это мужик – в телогрейке, в штанах». А зима была. Я говорю: «Это же дяденька». Долго я ее не признавала, не слушалась, а потом ничего. Вот воспитание, оно ведь до пяти лет прививается, я все, что до пяти лет было, очень хорошо помню. Все, что бабушка нам успела привить до пяти лет, все это сохраняется.

Р.: А что успела привить бабушка?

А.В.: Она читать научила. Я очень хорошо и выразительно читала. Уважение к людям. Бабушка заболела: «Играйте тихо, – говорит, – я посплю», и 15 минут мы тихо

очень играем. Чтобы порядок был. У нас был сундук, подоконник, и все игрушки, все в порядке. Спать ложимся и игрушки спать укладываем. Помню, кукла у меня была.

Р.: А какими методами воспитания она пользовалась?

А.В.: Просто говорила, а что это у нас куклы не спят? Надо их спать уложить. Уложим и сами идем спать. А что это у тебя все валяется? Убежит ведь! И помню, была у меня книжка «Маша-растеряша». Вот и кладешь все аккуратненько. Бабушка читала много и считать учила, говорила все: «Учись». Она у нас хорошая бабушка была. Сидите, девки, песни пойте и стихи читайте. Мы сидим с Нелей на подоконнике и стихи читаем. Мы сидим на окне, и нас наголо стригли. Мыла не было во время войны, бабушке надо было на нас стирать, мы ходили к ее сестре, которая жила более ли менее (*не совсем плохо – прим. Р. Л.*). Тетя Саня. Тоже на Пушкина, где баня сейчас, рядом с пивзаводом. Они, видимо, хорошо жили, у них стирка была. Кто-нибудь прибежит – или Люка, или Аза прибегут, дочки их, и скажут, что у них стирка, мы берем ведра и идем к ним. Они постирают и вот эту мыльную воду дают нам, мы несем ее домой и стираем.

Р.: А бабушка где брала одежду для вас?

А.В.: Шила, до войны еще жили хорошо. Нам до войны и пальто купили, и ботинки были, и туфли красивые у меня были, и платья нам шили. Помню, к Новому Году нам шили платья красивые. Мы хорошо, дружно жили. Вот у бабушки была сестра тетя Саня, у нее дочь Юля, а у нее две дочки – Люка и Аза. Мы все время в гости ходили друг к другу. Праздники всегда весело проводили. Помню Новый Год. Дети наряжались, как могли, мы делали маски. Кто что. Я была обезьянкой. В руках у меня была обезьянка. Какую-то маску я надела. Очки взяла, в коричневое платьице меня нарядили. Все гости сидят в большой комнате, а мы из маленькой выбегаем колонной с песней: «Мы едем, едем, едем, в далекие края, веселые соседи, хорошие друзья... Кошка-забияка» И мы изображаем зверей, которые в песне перечислены. Потом хороводы водили: и дети, и взрослые. Составляли стулья, сценки разыгрывали. Весело было. Дети всегда со взрослыми, концерты какие-то устраивали и т.д. А потом наступила война, уже в детсад не взяли и встречаться реже стали. Летом у них созрели ягоды. У них был мальчик, жил как нянька, он самовар ставил, посуду мыл, в магазины ходил, звали его Митя. Он с нами водился. И у них появились ягоды. Поставили стол, самовар, чашка большая с ягодами. И все сидим за столом. И всем в маленькие блюдечки кладут ягоды – клубника была. Чай пьем без сахара. А до войны еще на пароходе возили. Летом бабушка, видимо, снимали дачу в Курье. Верхняя Курья красивая, песок, сосны – красота. И на лето, на выходные, снимали дачу, нас всех, детей, туда вывозили. Родня собиралась: бабушка, тетя Нина с Геркой, дядя Витя, дядя Толя, когда они дома были, тетя Саня, тетя Юля со своими девочками, дядя Ганя, муж тети Сани. Мы все собирались и шли на этот паром-трамвайчик. Переезжали на ту сторону. И на эту дачку. Гамаки развешивали. Сразу ставили самовар, поили детей чаем. Веранда, помню, была большая. Стол большущий. Ягоды в блюдечках с сахаром намнут и дадут ржаного хлеба вкусного. Чаю напьемся и нас в гамаки закинут. Мы набалуемся, песен напоемся и уснем в гамаках. Все спим днем. Взрослые своими делами занимались. Помню мороженое того времени: бумажные чашечки, и блюдечки, и ложка, 5 копеек стоило мороженое, продавали на остановке «Динамо» в голубом киоске мороженое. По пятаку нам дадут, и мы летим за мороженым. Потом появилось мороженое в вафле, дали мне эту вафлю, я вся этим мороженым облилась, дядя Миша вытирает с меня это мороженое. «Ну, –говорит, – Алька, вся ты сладкая!» На паром когда шли, обязательно была шляпа с бантиками. Она мне всегда мешала, и я ее всегда за борт выкидывала. Хулиганка была.

Р.: А больше никого из родственников не репрессировали?

А.В.: Нет.

Р.: Как вы считаете, почему?

А.В.: Дядя Витя и дядя Толя были молодые. Дядя Витя был электрик очень хороший. Он работал на железной дороге. Он был инкассатор. И электрик, и инкассатор.

Он всегда сопровождал деньги на железной дороге, вывозил их куда-то. А когда началась финская война, его забрали на эту войну. И, видимо, то, что он был на войне, его не трогали. А дядя Толя очень плохо пережил. Он хотел поступить в речное училище и хотел стать моряком, но его не приняли, а его не приняли из-за того, что он сын священника. Но они ведь никому не говорили, что они дети священника. Он с 1915 г., т.е. это 1930-й год где-то. Мама уже была замужем, и дядя Толя как-то мне пожаловался, что «я из-за твоего отца не поступил в училище, он сказал, что я – сын священника». Я говорю: «Да как мог отец сказать такое, он сам мог пострадать, он ведь женат на дочери священника». И я это могу объяснить так, что кто-то донес, кто-то другой это сказал, и его не приняли в речное, и он уехал учиться в железнодорожный техникум в Свердловск, там он, конечно, промолчал, откуда он. Он потом приехал сюда и во время войны водил составы, раненых перевозил. На фронт его не брали. И дядю Витю тоже не брали больше.

Р.: А почему их не взяли?

А.В.: Дядю Витю, наверное, из-за того, что он был на финской [войне]. А вообще не знаю.

Р.: Бронь (*защиту, бронированный, защищенный – прим. Р. Л.*) получили какую-то, работая?

А.В.: Может быть.

Р.: А другие?

А.В.: Дядя Миша работал на заводе Свердлова и умер прямо там. Тетя Нина тоже не пострадала. Никто не пострадал. Их не арестовали.

Р.: А может быть, слышали, какие-то другие способы репрессий из-за родства?

А.В.: Ну, например, я не поступила в авиационный техникум. Я испугалась, там анкета страшная была, там надо было обязательно все писать. Я только что закончила школу. Семь классов. После техникума. Мы всем классом поехали. Мы жили в деревне последние два года. Это 49, Никулино, Добрянского района (*населенные пункты в Пермской области – прим. Р. Л.*), 200 км отсюда. И плакат висел: техникум авиационный набирает студентов, и мы решили туда поступать. У меня хорошо с математикой было. Я хотела на факультет автоматики и телемеханики. Я почему-то испугалась, а ребята не испугались, поступили. Мы приехали летом, если бы пошли все вместе, я бы не испугалась, а я одна пришла, получила эту большую анкету, а там вопросы: где родители, с какого года, где работали, какое происхождение, чем сейчас занимаются. А как я напишу, что мама дочь священника, а отец из зажиточной семьи.

Р.: А похоронную когда получили?

А.В.: Первую в 1946 г. Мы приехали сюда, мама сделала запрос, и пришла похоронная (*сообщение о смерти – прим. Р. Л.*), что отец погиб в 1943 г. на каких-то там фронтах.

Р.: Справка от НКВД была?

А.В.: Не знаю. Листочек был, мы его все читали. Мама его долго хранила. Потом кто-то сказал, что это неправильно. И где-то в 1947 г. она снова подала на розыск. Пришла тоже похоронная, что умер в госпитале от ран, в каком-то городе в области. Умер тоже в 1943 или 1944 г. И последнюю похоронную мы получили, когда маму реабилитировали в 1957 г. И тоже не тюрьме. А тоже «умер в какой-то больнице от воспаления легких в 1945 или 1946 г.».

Р.: А у вас сохранились эти похоронки?

А.В.: Нет. Мама не сохранила. Ей ведь не разрешали здесь жить, и она все документы брала с собой. Боялась она, что ее остановит милиция на дороге и арестует, поэтому все документы уничтожила. Не имела права жить в областном городе. Когда мы уехали из Казахстана в 1946 г. Без права проживания в крупных городах.

Р.: А город Молотов тогда был уже закрытым городом?

А.В.: Да. Он ведь долго был закрытым. В 1966 г. я отдыхала в международном молодежном лагере в Крыму, Усуфе (*неразборчиво*). Меня спрашивали: «А Пермь, это в какой области?» А ведь это областной большой город. Мы так смеялись.

Р.: Вы не поступили в авиационный техникум Швецова? Который до сих пор существует?

А.В.: Да.

Р.: Но это больше связано с вашими опасениями. А какие еще были те или иные случаи, когда проявлялись репрессии, продолжались?

А.В.: А вот мы приехали в деревню Никулино (*в Пермской области – прим. Л. Р.*), это был 1949 г. Или конец 1948 г. Мы учились в 5 классе с сестрой. И нас записали не в «а» класс, а в «б». Класс «б» - это был класс, собранный из детей репрессированных. У нас там Никулинский район, там были татары, молдаване – депортированные, спецпереселенцы, власовцы. Дети эти жили в общежитии, приходили из деревень, неделю жили, а на выходные уходили домой.

Р.: Никулино, деревня находится на тракте, который соединяет Соликамск и Березники (*города Пермской области – прим. Л. Р.*)?

А.В.: Нет. Из Добрянки в Березники (*города Пермской области – прим. Л. Р.*). Там не тракт был, просто дорога. Фисюк Любовь Меркурьевна из тех мест, она репрессирована, преподаватель железнодорожного техникума была потом. У нее все записано. Ребята из Словакии приезжали, волонтеры – девочка и мальчик, они все записали.

Р.: То есть «б» класс – дети репрессированных, это как-то ощущалось?

А.В.: Тогда-то я не понимала этого. Теперь только понимаю. Особой разницы не было. Только эти дети были неухоженные, в лаптях. Никулинские дети всегда нарядные, в костюмчиках, а эти дети плохо одеты.

Р.: А вы как были одеты?

А.В.: Мы были в формах. Мы здесь в женской школе учились. Тогда еще раздельное было обучение. Вторая была женская школа. У нас были синие платья, черные фартуки, белые воротники стойкой и красные галстуки. Мы такие и приехали. Там в галстуках не ходил никто в деревне. Все нас дергали за галстуки. Форма. Все спрашивали: «Что за платья, что за фартук?»

Р.: А там детей разве не принимали в пионеры?

А.В.: Принимали. Когда я приехала, меня сразу сделали вожатой начальных классов, и мы стали принимать детей в пионеры. А до меня я не знаю, как было. Но в нашем классе в галстуках никто не ходил, да и в школе тоже, до нашего приезда, потом уже стали немножко ходить. И сборы начали проводить за честь школы и т. п.

Р.: А вас где и когда приняли в пионеры?

А.В.: Здесь. Когда мы с мамой приехали. Во второй школе. Я два раза вступала в пионеры.

Р.: Как это?

А.В.: Меня принимали там, в зоне, в 26-й точке. Я там уже в школу ходила, в третьем классе училась. И меня там принимали в пионеры, во втором классе. Я помню, Нелю стали принимать в пионеры, и я сказала, что тоже хочу быть пионеркой, ну, и меня приняли. Помню, тогда еще не читали клятву пионеров. Что-то говорили и приняли, повязали галстуки, значки были – зажимы на галстуках. Но у нас не сохранились. Еще мы там песни пионерские пели все. А потом, раз там все были лагерные, там не очень-то были приняты все пионерские мероприятия. Приняли и забыли. Никаких сборов, ничего не было. А когда сюда приехали, я смотрю – здесь в школе линейка перед занятиями, все в галстуках. Нас спросили, пионеры ли мы? Нелю сказала, что она пионерка, а я сказала, что нет. И меня приняли в пионеры.

Р.: Здесь уже торжественно было?

А.В.: Да. Торжественное обещание давали. Все мне очень понравилось. Когда приехали в Никулино, сама начала вожатой работать, там тоже принимали в пионеры ребят.

Р.: А вообще про пионерскую и комсомольскую организацию?

А.В.: Я ведь была старшей пионервожатой. Мы все это чттили.

Р.: Там каждого ребенка принимали в пионеры?

А.В.: В деревне, кто хотел, но только из лучших. Не принимали тех, кто не хотел как следует учиться, кто хулиганил. Девочек больше было. Мальчишек немного. Но мы ходили по Никулино отрядами, с песнями, с флагами, барабанами. Все что-то делали, куда-то ходили.

Р.: Это конец 1940-х годов, это была очень важная сторона жизни – пионеры, идеология?

А.В.: Конечно, я так любила Ленина! Литературу о нем собирала.

Р.: А откуда это все у вас появилось?

А.В.: Я же испугалась поступать в авиационный техникум, думала, куда пойду, а я была такая организованная в школе, что все мне пророчили в школе, что я буду учителем. И я как-то уже привыкла себя считать учительницей. Бабушка была учительницей, ну и я учительница. И все меня слушались. Была председателем совета отряда. Организовывала собрания. Все организатором была. И мне было 15 [лет] и я думала, куда же мне идти дальше учиться? Но я все равно была не очень образованная, и какие-то мы были зажатые, я помню. Не такие, как сейчас дети. Они и сказать все могут, и знают все.

Р.: А эта зажатость, она от природы была или оттого, что репрессии были?

А.В.: Мне кажется, что оттого, что одни были, оттого, что мама в лагере сидела? Почему так?

Р.: И как пионерские отряды?

А.В.: Это было хорошо. Это организовывало ребят. То, что было хорошего в советском строе и что не надо было разрушать. А что было плохо, то, что жили плохо, всю жизнь материально плохо было. Я всю жизнь была голодная. До сих пор наесться не могу. Почему? Потому что я окончила педучилище (*педагогическое училище – прим. Р. Л.*). В 1951 г. поступила, в 1955 г. закончила. Оклад у меня был 600 рублей. Мне этого оклада хватало очень мало на что. Я работала в детском доме старшей вожатой в Соликамске. Потом оклад был 650 рублей. Потом я, когда сюда приехала, ждали квартиру, и захотелось пожить в своей квартире, не снимать. Хотя в Соликамске мне дали комнату. А почему были скованные? Мы же плохо жили. Всегда были голодные и полураздетые. Когда мы в 1946 г. приехали из Казахстана, нас трое учеников, Слава учился в первом классе, я в третьем, Неля в четвертом, она потом осталась на второй год, и мы вместе учились в четвертом классе. Потом пятый класс. И здесь учились в пятом классе, и это был самый голодный год. Мы ходили в школу по очереди. Мама сшила нам бурки, сапоги тряпочные с ватой, через кого-то вату достали. Но на бурки надо было надеть галоши, а галоши были только одни на всех троих. Галоши невозможно было купить – трудно достать и не на что купить. И ходили в школу по очереди. Сегодня Славка идет, завтра Неля, а послезавтра я. Что за учеба? Конечно, мы остались на второй год в пятом классе. И я окончила в 15 лет только в школу. И когда я поступила в педучилище, пришлось жить у бабушки. На какие деньги? У мамы оклад был там 700 рублей, бухгалтером она в леспромхозе (*лесопромышленное хозяйство – прим. Р. Л.*) работала. Откуда деньги, чтобы посылать обеим? Неля пошла работать. Неля работала на конфетной фабрике, подсобным рабочим, зарплата маленькая, но нам хватало, она у нас модница, ей всегда надо было одеваться хорошо, хоть что-то новое, платье и туфли. Нелю одевали. А я носила за ней. Нечего было надеть. В педучилище ходила, первый год я носила телогрейку, мама сама шила – готовую невозможно было купить. А тряпки где купить? В школе, когда я училась в третьем классе, помню, мне дали бирку на платье. А платьев нет в магазинах. Мама пошла и купила на эту бирку наволочку. И из этой наволочки сшила мне летнее платье.

Мы летом поехали в лагерь, и она мне сшила это платье. А пальто ведь тоже надо. И мама пошла на рынок, продала там что-то и купила кофту, и из этой кофты сшила нам с Нелей по кофточке. Поэтому и были скованные. Мы в театр не могли сходить. Нас как-то тетя Юля пригласили в театр, мы пришли в театр, пришли такие замухрышки, что они нас постеснялись и не ждали у входа в театр. Ушли и не взяли нас в театр. Стыдно было с нами идти в театр. Брезентовые туфли носили, на шнурках, три рубля стоили. И летом, и зимой, и осенью. Пальто первое мы купили на третьем курсе, суконное черное пальто. Грубое. В 1954 г.

Р.: А вы говорите, что вы были активной пионеркой, а вы не ощущали несоответствие – считалось, что мы живем в лучшей стране и «спасибо Сталину за наше счастливое детство», и такая потрясающая бедность?

А.В.: В деревне-то я это ощущала. Деревня была очень глухая. Никулино – это далеко от города. И народ был вольный. И когда пьянки были – праздники церковные отмечали, ставили брагу, пиво, пировали и на работу не ходили. Пасху отмечали. Рождество. Троицу. Напьются и поют частушку. О Сталине пели столько похабных частушек! Жаль, что я их не запомнила. И вот то, что живем на трудодни (*по количеству отработанных дней бригадиры ставили «палочки» и по ним считали зарплату – прим. Р. Л.*), на «палочки», меня это всегда шокировало. Почему денег не дают? Почему вот у меня была подружка, ее семье надо сдать молоко, а коровы у них нет, ходят, покупают молоко, а там ставят галочки, кто зажиточный. У нас там были кулаки, мы их так называли. Муж и жена зажиточные были. У них был двухэтажный дом, всегда покрашенный, всегда чистенький. Молоко у них брали. У меня была собака, и кто-то ее стукнул, и сказали, что это он ее забил, что у него жена болеет, и надо собачье сало, он хотел ее убить, а она убежала. Умирала собака у нас. Но он ко мне хорошо относился. Все его называли кулаком. Несколько семей жило хорошо. У кого было мало детей. У кого были дети, разница большая между младшими и старшими. Старшие работали и помогали. Парни все в город уезжали. Получали профессию машиниста, тракториста. Помогали семье.

Р.: А паспортов ведь тогда не было?

А.В.: Не было. Но в Добрянку уезжали. Но нашим мальчишкам некоторым не давали разрешение, надо спросить Мустафарова, почему не поехал в техникум поступать. Они закончили десять классов; 8, 9, 10 были платные. Мы решили так, что они могли заплатить. Ведь отцы жили с ними. И они платили за учебу. А мама наша не могла платить, не из чего было платить. Я сдала на стипендию, а кто сдавал на стипендию, тому не надо было платить за учебу. В техникуме тоже платили за учебу, если не получали стипендию. И очень чувствовалось противоречие. Мы Сталина, Ленина так любим, а что-то не так. Счастья я и не видела. Какая я счастливая, если я голая и голодная. У нас иногда хлеба не на что было купить. Мама говорила, сходите, займите у кого-нибудь, хоть три рубля, вам, детям, дадут. Детям, нам, давали займы. Потом мама получала зарплату и отдавала. Молоко получали на трудодни, на палочки. Мама получит зарплату или сошьет кому-нибудь что-нибудь и возьмет молоко. Так вот жили.

Р.: А вы говорили, что пели частушки, когда пили только?

А.В.: Да и так, часто придешь, там жили грязно, плевались – культуры никакой не было. Кто бедно жил, прямо тут же и сморкнутся, и плюнут тут же.

Р.: А как вот противоречие это решалось, что жили в счастливой стране и такой контраст с жизнью?

А.В.: Да не говорил никто, что живем в счастливой стране. Не чувствовала я такого. Детям говорили это. Мы думали, что так и надо. Не высказывали противоречия. Ну, раз другие так говорят, то и мы будем. Ну, хуже, потому что нас трое, а мама одна – бухгалтер, маленькая зарплата. Отца нет.

Р.: А про отца Вы что тогда говорили?

А.В.: Ничего. Меня никто не спрашивал. В школе здесь я говорила, что погиб на фронте. Когда я работала на заводе, меня все спрашивали, где твой отец? Я поступила в 1962 г., 29 лет там проработала. Меня там часто спрашивали, а он же в 1938 г. расстрелян. Я говорю, так он у меня в Испании погиб. И люди верили.

Р.: А вы тогда уже знали?

А.В.: Потому что маму арестовали в 1938 г. АЛЖИР – лагерь для врагов народа, а откуда мы знаем, какой он враг. Никогда мы об этом не говорили. Никогда не обсуждали этот вопрос, и дома не обсуждали никогда, пока я не вступила в «Мемориал» в 1989 или 1988 г. Впервые мама смогла рассказать, когда Славка произнес на дне рождения тост, что мама столько пережила, что и я в лагере росла, и мама в лагере была, что мы – дети врагов народа. «Как так? – Все удивлялись. – Почему молчали?» А никогда не рассказывала. И в день рождения все стали говорить: «Тетя Зина, запишите, расскажите». И я стала приставать к маме, запиши все. Она говорила: «Да что я сейчас вспомню?» Я говорю, что помнишь – сегодня одно, завтра другое. Послезавтра третье. Потом я все это распечатала, отдала Калиху, куда он положил – не знаю.

Р.: Скажите, а что сохранилось из архива про маму, папу, бабушку?

А.В.: Ничего. Фотографии все сгорели. Только фотография, Славка в лагере, в 1943 г. появился в лагере фотограф. Детей фотографировали в группе в лагере. Он ведь был в лагере. Мама находилась в бараках для женщин, работала. А детей всех, которые прибыли с родителями этапом, их забрали в бараки тут же, при зоне, барак два. Один барак – детский садик, тоже колючей проволокой его огородили, и воспитателями работали лагерные женщины. Раз в месяц детям разрешалось встречаться с родителями. Мама говорила, что идут с работы и стараются в какую-нибудь щелочку, «найдем и все глядим, как там дети, бегают ли?» И вот у меня две фотографии: на одной Слава в группе, а на другой Истомина, в другой группе она была, тоже из Перми, ее арестовали, и мать с ней была в лагере. Люда Истомина. Мамина маленькая фотография есть – втроем они, три подружки, в лагере сфотографированы. Маленькая фотография, рваная уже вся.

Р.: А Ваши какие первые фотографии?

А.В.: Первая, где нас мама для отца сфотографировала в валенках. Потом, когда мне сшили платье из наволочки, все ребята сидим на дровах.

Р.: Переписки никакой с отцом не сохранилось и вообще его автографов, только его подпись?

А.В.: Нет, не сохранилось, только подпись в личном деле.

Р.: А копия личного дела есть?

А.В.: Кое-что есть.

Р.: Можно будет потом сходить в архив и сканировать часть документов? Допросы и постановления?

А.В.: Что можно будет, я спрошу. Есть справки, бабушка делала в домоуправлении: прошу прописать детей, временно отсутствующих, и мы перечислены – Неля, Слава и я. Маму нельзя было прописать. А нас бабушка прописала.

Р.: Как адаптировались люди, которые прошли лагерь? Что-то рассказывала ваша мама, или что вы помните, человек, прошедший лагерь, как она общалась с другими людьми, чем жила?

А.В.: Петрова Юлия Павловна, у нее мама тоже была в АЛЖИРе с моей мамой. Мы приехали, тут был голод, а у них был маленький огородик, и они нас даже подкармливали.

Р.: Ей разрешили жить в городе?

А.В.: У нее дети, три сына, были добровольцами, и все трое погибли на фронте, и из-за погибших детей ее отпустили домой раньше, в 1944 г. она вернулась. Мы дружим с дочерью. Она может много интересного рассказать.

Р.: А как адаптировалась мама?

А.В.: Я хочу сказать, что это очень сильные люди. Они много пережили, они были очень стойкие и, смотрите, сколько прожили, мама в 85 [лет] и то погибла, а то бы и

больше прожила. У Нонны Петровны тоже до 80-ти мама дожила. Александра Ивановна тоже 80-ти лет с чем-то умерла, чуть не в 90. Они были крепкие. Сильные. Они трудились. Босые, голые ходили. Приходили с работы и камыш жрали (*ели – грубое просторечие, прим. Р. Л.*) на пруду, отапливался лагерь камышом. Ходили без обуви – завязывали штаны ватные внизу и так ходили. Потом придут, расстелят это все на постели и спят на этом мокром. Мама рассказывала. Печурки были. Печурки я помню, на ней картошку жарили ломтиками. Им хотелось видеть детей. О сталинизме с ними разговора не было никогда. Они никогда не восхваляли его. Молчали. О политике молчали вообще. И потом. Все время. И все время мне говорили: держи язык за зубами. И мне бабушка говорила: «Твой язык – враг твой. Не рассуждай много».

Р.: А когда мама приехала в Пермскую область, как процесс адаптации к настоящей жизни проходил? Или надо было все равно отмечаться?

А.В.: А вот как. Маме ведь не разрешали жить в городе, кто-то устроил ее работать в горкопинстрокастор (*неразборчиво*). Не знаю, что за учреждение. На Советской улице было, потом на Пушкина. Нелегально ее кто-то устраивал. Но дома ночевала редко, в доме бабушки. Потому что могли в любой момент прийти и выселить. И приходила несколько раз милиция. Бабушка прописала нас, детей, а мама не прописана, а не прописана – выезжайте. И мама ночевала на работе, возьмет Нелю или Славу, меня не брала ни разу. Наверное, я болтушка была. Ночуют, потом мама опять на работу. Появится, переоденется, накормит нас чем-нибудь.

Р.: А почему Вы говорите, что Вы болтушка? Потому что могли разболтать, где она работает?

А.В.: Наверное, да.

Р.: Вообще ощущался страх, что это опять повторится?

А.В.: Да, это может повториться, я чувствую. Неугодных как арестовывали? Под проценты. 4 % надо арестовать в месяц врагов народа. А где находить? Стали уничтожать тех, кто был умным. Ведь сливки же общества уничтожали: директора завода, главного технолога. Люди что-то знали и умели. Рабочий класс, клич был, что из рабочего класса должны быть ученые и вот. Или случайно и если не нравится, кто-то кому-то не нравится, пойдет донесет, а 4 % надо, и заберут этого человека.

Р.: А в 1950-е годы это все равно ощущалось?

А.В.: Мы боялись, что маму арестуют снова. И паспорт помню, все, кто прошел лагерь, у них была какая-то отметка в паспорте. И когда мама получила новый паспорт в 1979 г., и когда я принесла ей новый паспорт, и она первым делом посмотрела, нет ли там этого шифра. А какой там был шифр, я не знаю. Успокоилась, выдохнула даже: чистый паспорт.

Р.: Маму вы узнали, когда выросли, но может быть, какие-то внешние изменения в психологии, в поведении были?

А.В.: Конечно. Вот, например, мы росли, мама нас не успела воспитывать. У нее не было родительской ласки к нам, чтобы обнять, приласкать. Она и наказывать не наказывала, но и родительской ласки не было. Вот когда болеешь, то видишь: мама сидит около тебя. Ну и спать ложились – одеялом прикроет, подоткнет и все. А чтобы поцеловать, такого не было. Куда-нибудь уедешь: «Ну все, пиши». То есть суровая, сухая. Я ее даже деспотом называла. Ругалась с ней. Я все ее воспитывала, ну, не хлебом же единым жив человек, почему мы никогда ни о чем не поговорим, ты меня не расспросишь, что да как? А она: «Что надо, ты мне сама расскажешь». В школу неохота идти. Так она спокойно скажет: «Неохота – не ходи». И справку напишет, что ты болеешь. Только говорила: «Имей в виду, что ученым больше дается, учение – свет»... Она все время молчала. Никогда не делилась с нами своими мыслями, никогда не говорила о своих чувствах. Я обвиняла ее за это. Я хотела, чтобы она начала говорить. Но, возможно, она просто хотела нас защитить от всех тех страданий, которые она пережила. Она всегда была отстранена от нас. Никогда не показывала нам свои чувства, не гладила нас по голове, не обнимала нас. Она была

холодна и строга с нами. Ее материнская забота заключалась в уверенности, что мы были сыты, что мы ходили в школу и были физически здоровы. Вот и все. Она не дала нам ничего ни в духовном, ни в эмоциональном плане. Ей нечего было дать нам, потому что эмоционально она была сломлена, еще находясь в лагере...

Р.: А в поведении что-то появилось? Некоторые из лагеря когда приходят, для примера, некоторые очень чай любят, некоторые сладкое.

А.В.: Она все время хотела мяса. И когда мы уже тут вдвоем жили, чтобы полными не быть, в восемь часов поедим и говорим: давай не будем больше есть. А ложимся поздно. Разные комнаты у нас. Она читает, и я читаю. Я спрашиваю: «Мама ты спишь?» «Сплю». «Ну, ладно, спи,» – я тихонько читаю дальше. Вдруг раздается хохот. «Мам, ты что?» Она сидит и смеется, я к ней прихожу в комнату, она говорит: «Пойдем, чаю попьем, поедим?» Все время была голодная. И идем, едим что-нибудь. А ведь талонная система была, она у меня умерла в 1992 г., ей так хотелось наестся окорока. Она говорит, всю жизнь мечтаю наестся. Когда у отца она жила, они ведь хорошо жили. Говорит: «Пельменей с молоком наедемся и спим, похрапываем». Или как праздник, рыбу она очень любила, отец у нее тоже и ее маленькую всегда брал с собой на рыбалку. Зинка-корзинка ее звали, была как мальчишка, лазала по деревьям, ходила на рыбалку. Говорит, бросит он сеть: «Зинка иди туда и держи». Она плавала хорошо, Каму переплывала туда и обратно. Она там, значит, держит, и вот рыба появится, и плыви, а он с берега. Всегда хотела наестся досыта. Хозяйка была хорошая. В лагерь кода ее привезли, узнали, что она бухгалтер и сразу сказали: пойдете работать в контору бухгалтером, ее пригласили, а она сказала: «Нет, я на умственной работе сойду с ума, у меня отобрали всех трех детей, отправьте меня на самую тяжелую работу». Она пошла жать камыш. В овощехранилище работали, носили на себе мешки с овощами. Самую тяжелую работу выполняла, чтобы наработаться и уснуть, там тоже думать-то некогда, на работе, скорей нажать камыш, выполнить норму, две-три нормы выполняешь – тебе что-то засчитывается, и она вместо пяти лет только четыре была в зоне, потом уже за зоной. И когда поняли, что она такая старательная, ее пригласили работать в столовую военизированной охраны. И она рассказывала: «Я всегда думала про себя: это же врага народа – кормить военных, да я же их всех отравлю, и была такая мысль, но я не могла такого сделать и не сделала бы никогда, потому что в чем люди виноваты? Это кто-то предал отца».

Р.: Мама говорила, что большая часть людей, которые там работали – невиновны.

А.В.: Да. Вообще невиновны. Всегда говорила, что все невиновны. Она много общалась. Кабардинцы там были, болгар много было. Чеченцы там были, женщины. Ленинградцев много было. Москвичи. Когда день победы мы справляли в 1945 г. Мы встали, в школу собираемся и вдруг под окнами закричали: победа, победа! Включили радио: что тут было, все забегали, давай наряжаться – у кого что было. Отрезали подол, надели на девок хорошие платья. В школу все пошли нарядные – победа. В школу пришли, там какие-то, в школе мы писали на фанерках, не было тетрадей. Во втором классе нам уже из библиотеки из клуба – мы дружили с Алешкой Бобицким, сыном библиотекаря – она нам дала списанный журнал. У меня и у него было по большому журналу, чтобы писать между строчек. Так Татьяна Ивановна – учительница, сказала, что «давайте поделимся со всеми», и мы этот журнал разделили, и все писали карандашом. Карандашей тоже было мало. Беспалова Лялька была у нас. Ее отец был комендант 26-й точки. У нее было много карандашей, так мы ее карандаши разрезали, чтобы все писали. А потом уже появилась бумага.

Р.: А у мамы не было такой черты характера после того, как вы выехали из Алжира, чтобы она осторожничала больше, прятала документы, еще что-то.

А.В.: Единственное, что говорила, что «не болтай языком много». Чтобы не пострадать. Ничего не объясняла. Береженого бог бережет. «Будь осторожна, не болтай много». Какая кому разница, как жили и как живете? Хорошо живем и все.

Р.: Она ни с кем не общалась по поводу того, как жила в лагере?

А.В.: У нее не было подруг. С Александрой Ивановной общались, с которой вместе были в лагере, и все. Я спрашивала, как ты так мама, у тебя друзей нет?

Р.: И к ней никто не сватался больше?

А.В.: Там, в лагере сватались мужики. Когда мы приехали, мы же жили в бараке, а потом почему-то стали жить в землянке. Вот в день победы, когда освободили барак и перенесли зону дальше, освободилось несколько барачков. Два освободилось, для освобожденных. И я помню, что мы в землянке жили с осени и зиму. А там так: день тает все, идешь в туфлях, а к вечеру из школы идешь – уже буран. И я во втором классе пошла в предзимнее время в школу в галошах, и пошел дождь, и стало темно. Татьяна Ивановна мне и говорит: «Ты собирайся и давай домой, чтобы ты успела до бурана дойти до дома». Я пошла тихо, а землянка у нас была за военнизированной охраной. Поселок такой: школа, больница, клуб, еще бараки для работников вольных. Небольшой поселок и охрана, и там у них столовая, а потом степь и квартала три-два от последней вохры (*военнизированная охрана – просторечие, прим. Р. Л.*) – наша землянка. Больше ничего не было. Видимо, какой-то командир сватался, и он добился этой землянки, чтобы жить там, и приходил к нам. Кто-то из военных приехавших. Он потом уехал. Помню, он к нам пришел. И мы спрашиваем у мамы: «Что нам его, папой звать? Что это за дядя?» Она говорит: «Да не знаю, посмотрим. Дядя или папа». Он нам сразу не понравился – он был бритый и ушами шевелил (*Смеется*). С тех пор не люблю, кто ушами шевелит. Он нас забавлял так. И не состоялось у мамы. И помню, мама тогда говорила: «Что это я детей на мужиков буду менять? Не буду». И когда мы жили в Никулино, помню, мама была где-то на празднике, мы уже спали, а я долго не спала – привычка такая. И я слышала, как она пришла. И помню, она встала к окошку и плакала: вот, надо же, висят у нее на плечах, на руках довески, надо вырастить. Видимо, посватался кто-то. Она же красивая была, мама, пела хорошо. Всегда была тоненькая, очень фигуристая, шила хорошо, прическа у нее красивая; большеглазая. Красивая мама была. Печально вспоминать (*Плачет*). Как-то говорила она: «Я из-за вас свою судьбу не устроила, а вы хулиганите». Но что интересно, она с нами не расставалась. И вот, например, еще в лагере, когда варежки вязали, и горела свечка, я читала хорошо. Я читала: поставят одну лампу, вяжут, а я читаю: сказки читали, Лермонтова читали. Очень Некрасова любили читать. Все время просили. Голос у меня долго был. А когда мы уже стали взрослыми, Неля научилась вышивать. Мама сидит подшивает. А я опять читаю. Славка долго не любил читать. В 7 классе я только научила его. И мы очень много читали хором. Мама начнет читать, мы продолжаем. И ходили пешком много. На квартирах все жили, далеко надо было ходить. И вот идем и читаем по дороге. То Некрасова, то Лермонтова, чтобы не скучно было. Читали много. Бабушка говорила: читайте классику, чтобы быть грамотными. Славку нашего она приучила к истории, жила у нас в деревне, тогда Балатово (*район Перми – прим. Р. Л.*) еще не было, где был больничный городок, там была деревня, и мы снимали там домик, и бабушка была у нас. Славка в школу не пошел, и они шли домой к бабушке, она ему рассказывала историю города, почему и как улицы называются. И он как-то пристрастился к истории. Собрал историю происхождения России от самого начала (*неразборчиво*).

Р.: А где еще мама работала? Бухгалтером в леспромхозе, а где еще?

А.В.: Здесь она работала, мы переехали сюда, я еще училась на третьем курсе, это был 1953 г., после Сталина. Видимо, не стало гонений уже. Мы стали жить на квартирах. Потом она работала, здание со львами, где совнархоз (*советское народное хозяйство – прим. Р. Л.*) был у нас, там немножко работала, а потом в здание – высокое новое здание, все бухгалтером работала, тоже все с лесом связано. А потом она работала в гороно (*городской отдел народного образования – прим. Р. Л.*) в горздравотделе (*городской отдел здравоохранения – прим. Р. Л.*). И до конца, до пенсии проработала. На пенсию она ушла уже из больницы детской, № 11. В 1961 г. вышла на пенсию и снова пошла работать – на пароходах бухгалтером плавала летом. Я еще с ней до Горького каталась. Потом мы из Ленинграда с подружкой встретили ее.

Р.: А потом уже никаких гонений не было?

А.В.: Когда в 1957 г. мы получили реабилитацию, справку себе и отцу она получила. В 1957 г. пошло течение реабилитации, и мама прежде всего пошла узнать об отце. И вот эту справку она получила сразу на себя и на отца, что освобожден за недоказанностью преступления, и сразу же разрешили получить деньги – двухмесячная зарплата того года, когда были арестованы. И мы сразу получили эти деньги, ресторан «Нева», была там касса, мы ходили расписаться, что мы все живы, чтобы получить эти деньги и на маму, и на отца. И мы купили всем сразу пальто. Отец был главный технолог, мама главный бухгалтер, так деньги были хорошие, видимо, с учетом инфляции. Мы вот что на них купили: мне пальто, Неле пальто, маме пальто, Славке костюм – он у нас длинный был – 2 метра. И купили стол круглый. И купили шесть стульев. Красота! И дали нам квартиру. Одну комнату. Мама пошла в горком (*городской комитет – прим. Р. Л.*) партии на прием, что она до 1957 г. жила без квартиры. И вот она пошла и записалась на прием к секретарю горкома партии, и все рассказала, что с ней произошло. Он сказал, что у него волосы дыбом встают, он этого ничего не знал, и говорит: «Хорошо, мы подумаем». И через некоторое время ей звонят на работу: «Придите за ордером». И мама получила квартиру. И так я уехала из Соликамска. Мама написала мне: «Мы получаем квартиру». Комнату получили в коммуналке, но хорошую, с круглой печкой. Одна кровать была, потом один диван купили.

Р.: А вот Вы говорите, что у мамы была только одна подруга, с которой они вместе были в АЛЖИРе, а их встречи были не при Вас?

А.В.: При нас. Мы все вместе были. Они там между собой что-то рассказывали, а мы не интересовались, нам было интересно чай попить, шаньги поесть. Наесться.

Р.: А как восприняли смерть Сталина?

А.В.: Мама никак. Я помню, пришла из педучилища, у нас там общая линейка была, мы все стояли, я не плакала почему-то. А все вокруг плакали. А вот бабушка сказала, лучше бы я умерла, а он жил, я-то ведь 1975 г., а он 1979. Она писала Сталину, она думала, что это он разрешил написать маме письмо, чтобы нас найти. Она писала, что дочь невиновную арестовали. Она писала и Калинин. Она писала и Сталину. Но ответов не было никогда. Писала много. И думала, что письмо какое-то дошло. Она и с Чкаловым встречалась, и с Молотовым, и с Крупской, она ведь старая была, учительница. А потом разрешили письмо написать и нас довести, и она думала, что кто-то ей все-таки помог. И ей горько поэтому было. А мама никак не отреагировала. А в деревне, я помню, кто-то у нас был: «Ну, умер, – говорит, что-то вроде «палач» сказали, – легче будет жить теперь в деревнях». Я говорю: «Что такое говоришь?» А частушки какие пели – жуть. Не помню только, что-то про то, что Сталин сытый, а мы все голодные. Что-то такое.

Р.: А частушки эти пели, как вы думаете, почему не боялись, что арестуют?

А.В.: Потому что далеко, глухомань. Куда еще хуже-то. Я помню, что когда училась в школе, Калинина очень любила. Я помню, училась, когда он умер, бабушка мне «Пионерскую правду» (*детская газета – прим. Р. Л.*) выписывала, бабушка говорит: «Читай, твой любимый старик умер». Я читаю, в 4 классе училась, где-то 1947 г. был, день помню, солнечный. «Ой, – говорю, – дедушка Калинин умер». Его все дедушкой звали. Бабушка говорит, так он старый был.

Комментарии

1. Фотоальбом с дарственными надписями.
2. Копия списка детей из детского дома.
3. Воспоминания мамы в печатном варианте.
4. Справки из домоуправления.
5. Личные дела родителей в архиве.